

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

Алекс КЕЙН

**ХРОНИКИ
ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ
ПРОКЛЯТЫЙ ДАР**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета
использована работа художника
О. Горбачика

Кейн, Алекс.

К33 Хроники вечной жизни. Проклятый дар : [фантастический роман] / Алекс Кейн. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-699-99277-5

А вы бы поверили, если б ваш лучший друг рассказал, что живет на свете уже... четыреста лет? Что причиной этому стал чудесный дар, обретенный страшной ценой, за который ему по сей день приходится расплачиваться? Что он был знаком с Екатериной Медичи, Стефаном Баторием, Нострадамусом, Василием Шуйским? Вот и я поначалу не поверил. Но он поведал мне такие подробности, что я поневоле задумался: а вдруг это правда?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99277-5

© Кейн А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

*Моей маме,
которая вечно жалуется,
что ей нечего читать.*

Часть I

Рене

Англия, Сомерсет, 11 июня 1932 года

Викарий подошел к окну. Солнце садилось за кромку леса, в воздухе носились стрижи, стоял прекрасный летний вечер. На лужайке перед домом сидела маленькая Элис, сосредоточенно откручивая кукле голову. Но викарий этого не замечал, невидящим взглядом смотрел он в окно, а перед его мысленным взором стояла узенькая средневековая парижская улочка и маленький мальчик, растерянно озирающийся по сторонам. Мысли металась в голове: «Возможно ли это? Может ли рассказ Голда быть правдой? Что это — выдумка, воспаленное воображение умирающего или...»

За спиной скрипнула кровать, раздался слабый голос доктора Голда:

— Джон?

Викарий медленно повернулся:

— Да, Майкл?

— Вы, должно быть, презираете меня? Я забрал столько жизней ради того, чтобы сохранить свою...

Священник с болью посмотрел на лежащего человека. Даже сейчас от его грузного тела исходили мощь и сила. Они были друзьями почти полвека... «Нет, всего лишь двадцать лет... Кто бы мог подумать!» И вот теперь Майкл Голд умирает, а у викария не находится для друга ни единого слова утешения. «Да что со мной, в самом деле? Я священник, мне следует успокоить умирающего, взять за руку, отпустить грехи. За руку?! Нет, только не это! Выходит, я все-таки верю ему?»

— Клянусь вам, Джон, клянусь, на этот раз я действительно твердо решил умереть. Бремя вины и пороков не позволяет мне жить дальше. Я никого больше не погублю!

Безумие какое-то! А ведь всего несколько дней назад все было так обыденно, так буднично...

Несколькими днями ранее посыльный принес викарию записку — его давно болевшему другу, доктору Майклу Голду, стало хуже, и он просит дорогого Джона немедленно прийти для разговора чрезвычайной важности.

Священник тотчас отправился к доктору. Четверть часа спустя он уже подходил к огромному мрачному дому, выстроенному дедом его друга. В саду перед домом ему встретилась молодая племянница Голда, миссис Роуз Делмор, с очаровательной белокурой малышкой Элис на руках.

— Дорогой викарий, проходите, пожалуйста. Дядюшка так ждет вас!

— Как он, мисс Роуз? Ему хуже?

— Боюсь, что да. Ох, похоже, не вовремя мы приехали погостить.

— Что вы, голубушка, Майкл так любит и вас, и вашу дочурку. Как дела, Элис, дорогая?

Малышка застенчиво спрятала личико в кружевном воротнике матери. Викарий ласково погладил ее кудрявую головку, поклонился Роуз и заспешил к дому.

Дворецкий Уоткинс проводил гостя в спальню Голда. Тот действительно ждал друга с большим нетерпением.

— Джон, наконец-то! — воскликнул он, приподнимаясь на кровати. — Возьмите вон то кресло и садитесь поближе. Мне нужно многое вам рассказать. Это долгий разговор, и я хотел бы покончить с ним, пока у меня еще остались силы.

Удобно устроившись в предложенном кресле, викарий заботливо взял друга за руку:

— Майкл, вы уверены, что не хотите отдохнуть?

— Джон, поймите, для меня сейчас самое важное — рассказать вам всё. Я знаю, мне совсем недолго осталось... Никого и никогда не посвящал я в историю своей жизни, я просто не в силах умереть с этой тайной. Пусть это будет моей исповедью. Должен же я воспользоваться тем, что мой лучший друг — пастырь Божий.

Он невесело усмехнулся, но тут же лицо его снова стало серьезным и торжественным. Он глубоко вздохнул и, словно приняв непростое решение, начал:

— Джон, я очень стар...

— Да, друг мой, мы оба уже не мальчики, — кивнул викарый и погладил Голда по руке. — В сентябре вам стукнет семьдесят два, не так ли? Да и я не намного моложе.

Но тот решительно покачал головой:

— Нет, мне давно уже не семьдесят два. Многое из того, что вы знаете обо мне, неверно. Я француз, а не англичанин. Мое имя Рене Легран, я родился в Париже в 1495 году.

Не обращая внимания на недоуменный взгляд викария, Голд начал свое неспешное повествование. Говорил он долго, иногда прерываясь, чтобы вытереть пот со лба или выпить глоток воды. Через несколько часов силы его закончились, и он обессиленно опустился на подушку.

— Позвольте мне немного отдохнуть, Джон, а потом я продолжу, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Франция, XV век

— Великий Боже, как здесь ужасно!

— Ну что ты, милый. Посмотри, какие красивые дома, — возразила Мадлен, выглядывая из повозки.

— Ты думаешь? — Клод с сомнением посмотрел на жену. — Народу-то! Отродясь столько не видывал. А улочки какие темные, узкие, никакого простора. То ли дело у нас в деревне.

— Клод, милый, ты же так хотел сюда переехать...

С детства Клод Легран мечтал стать военным. Затаив дыхание, слушал он легенды, которые рассказывала мать — о рыцарях и их оруженосцах, о Крестовых походах в далекие земли, о громких победах, о сказочном богатстве покоренных стран. Но судьба распорядилась иначе: его отец, Большой Жан, был деревенским кузнецом, человеком низшего сословия, рыцарем же мог стать только дворянин.

Большой Жан не одобрял мечтаний сына о стезе военного. Он не раз говорил:

— Ежели Господь дал тебе в руки кузнечный молот, малыш, то им и работай до гробовой доски.

Но Клод не желал и думать о работе в кузне. Повзрослев и женившись на Мадлен, младшей дочери богатого мельника, он принялся уговаривать ее оставить родной дом и переехать с ним в Париж.

— Подумай, милая, ты будешь настоящей городской дамой.

— Ох, Клод, я боюсь. Я ж деревенская, и там все будут смеяться надо мной.

— Да нет же! Я стану военным, мы купим хороший дом, у нас родится много детишек. А к городу ты быстро привыкнешь, милая, уж поверь.

В конце концов Мадлен согласилась, и весной 1494 года, нагрузив повозку нехитрым скарбом, супруги отправились в столицу. И теперь они ехали по Парижу, а цокот копыт измученной лошади гулким эхом разносился над мостовой.

Им удалось довольно быстро обустроиться. Небольшой капитал, полученный в качестве приданого за Мадлен, позволил купить комнату на втором этаже дома в самом конце улицы Сен-Дени, прямо у крепостной стены, опоясывающей город.

Поначалу Клод ворчал:

— Не понимаю, как здесь люди живут? Ты посмотри, крыши и балконы так выдаются вперед, что и солнце-то до мостовой не доходит.

Однако со временем он привык к жизни в городе и даже стал находить неизъяснимую прелесть в этих вечно затененных улочках.

Общительный и открытый, Клод довольно быстро приобрел в Париже множество друзей. И они, и сам город постоянно преподносили бедному провинциалу сюрпризы. Так, Клод с удивлением обнаружил, что все новые знакомые имеют не только имена, но и фамилии. В его краях это было редкостью, и вся деревня знала его как Клода, сына Большого Жана. Однако в городе этого явно было недостаточно.

Поскольку Клод собирался провести в Париже всю оставшуюся жизнь, он сразу же пошел к городскому прево и, выдав прозвище своего отца за фамилию, записался как Клод Легран¹ с улицы Сен-Дени, сын Жана Леграна.

Преисполнившись чувством собственной значимости (шутка ли, теперь у него есть фамилия!), он принялся наводить справки о возможности поступления в армию рыцарей. И тут его снова ждал сюрприз: оказалось, в Париже уже несколько лет существует *compagnie d'ordonnance* — регулярная ордонансная² рота, созданная по приказу короля Карла. Рота эта состояла из пехотинцев, которых почему-то называли вольными стрелками, и набиралась почти полностью из людей незнатных, простых.

Окрыленный этим известием, Клод бросился к друзьям с просьбой устроить ему встречу с командиром *compagnie d'ordonnance* и был так настойчив, что вскоре один из них выхлопотал для него аудиенцию у капитана роты Пельяна.

Зволнованный, Клод прибыл на улицу Сен-Поль, где квартировал капитан, задолго до условленного времени. Появшись у ворот, он перешел на другую сторону улицы и замер, залюбовавшись возвышающимся через реку собором Парижской Богоматери, построенным несколько десятилетий назад. Как он огромен и красив! Разве есть в мире что-то более прекрасное, чем этот величественный собор? Сердце Клода болезненно сжалось от странной нежности к этой красоте, к этому городу.

На колокольне Святого Жана зазвонил колокол. Пора.

— Хм... Хотите в мою роту...

Капитан Пельян, высокий длинноволосый мужчина лет сорока, придирчиво оглядывал широкоплечего юношу с открытым, умным лицом.

«У нас в деревне так лошадей рассматривали, — весело подумал Клод. — Надеюсь, он не потребует показать зубы».

¹ Le grand (*фр.*) — большой.

² Ordonnance (*фр.*) — приказ, постановление.

— Да, сударь.

Капитану Пельяну смертельно надоели постоянные просители. То в роту прими, то перед коннетаблем похлопочи, то денежное довольствие выдай. Да еще эта дураха, служанка Мари, вылила мятный соус на его белую рубашу. В чем прикажете идти на смотр роты? И все же он старался быть объективным. «Королю нужны опытные бойцы, — подумал он, — и если этот парень умеет держать алебарду в руках, то из него может выйти толк».

— Что ж, данные у вас подходящие, — удовлетворенно кивнул капитан. — Надеюсь, и опыт есть?

Клод невольно оробел.

— Какой опыт, сударь?

— Вы участвовали в боях? Учились военным наукам?

Юноша вконец растерялся.

— Видите ли, сударь... господин капитан... я недавно в Париже... я жил в деревне...

«Эх, жаль, с таким ростом, с такими мышцами...»

— Сожалею, но без опыта я не принимаю в роту.

Глаза Клода стали такими несчастными, что капитан невольно пожалел его. Он подошел к парню и похлопал его по плечу:

— Сударь, при моей роте есть детская военная школа. Самому вам уже поздно, но когда вашему сыну исполнится двенадцать — приводите мальчика, и я его возьму.

* * *

— Это была моя мечта, понимаешь? — бормотал Клод заплетающимся языком, сидя в трактире со своим соседом Жаком Буше. — А я, видите ли, слишком стар, чтоб учиться. А без этого они не берут. И что мне теперь делать?

— Не переживай, приятель, — утешал его Жак. — В городе полно гильдий и цехов, выбирай любой. Можешь стать оружейником, бочаром, портным или как я, к примеру, мясником. А у меня, между прочим, и отец был мясником, и дед тоже! А хочешь, плюнь на ремесла, стань торговцем — у тебя получится, это точно.

— Я для них стар, понимаешь? А вот сын мой не стар, и они его возьмут, только приводи. А как я приведу сына, если у меня его нет?

Жак Буше расхохотался:

— Ну так работай над этим, приятель!

Когда Клод наконец вернулся домой, Мадлен еще не спала. Конечно, ей очень хотелось, чтобы заветное желание супруга исполнилось. С другой стороны, если он станет военным, то как она будет одна, без него? Особенно сейчас, когда...

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Клод. Стиснув руки, она наблюдала, как он, качаясь, идет к кровати. Чутким женским сердцем Мадлен поняла, что муж лишился последней надежды. Ей было безумно жаль и его, и себя. «Я так его ждала, ведь сегодня, возможно, один из главных дней в моей жизни. Ладно, не буду пока говорить, подожду до завтра». Но утерпеть не смогла:

— Клод?

Голос Мадлен вырвал его из сонного забытья.

— М-м-м?

— Клод, дорогой... я беременна.

Он открыл глаза, с трудом сфокусировал взгляд на ее лице и твердым голосом приказал:

— Роди мальчика!

Распростившись с мечтой о военной службе, Клод по совету друзей приобрел необходимые инструменты, вступил в ремесленный цех и занялся изготовлением перчаток для знатных особ. Дело оказалось весьма прибыльным, и спустя полгода он смог выкупить две комнатки на первом этаже, став полновластным хозяином небольшого дома. Эта покупка съела все их сбережения, но Клод пошел на нее не задумываясь — ведь скоро их станет трое, и им понадобится больше места. Однако судьба распорядилась иначе.

Летом 1495 года Клод одновременно стал счастливым отцом и безутешным вдовцом. На всю жизнь запомнил он то отчаяние, ту боль, которые испытал при виде вышедшей из спальни повитухи. Скрывая растерянность, та нахмурилась и озабоченно сообщила:

— Жена ваша, сударь, померла... обильное кровотечение... А ребенок — вот он.

И она торопливо сунула ему в руки завернутый в полотняную тряпку кулек. Но Клод не замечал его, он с ужасом смотрел на закрытую дверь, за которой осталась Мадлен, и душу его наполняло щемящее чувство одиночества.

Похоронив жену и немного оправившись от потрясения, Клод задумался: что же делать с младенцем? Конечно, проще всего отдать его в церковный приют, но ведь он так хотел сына. И Мадлен отдала жизнь ради появления на свет этого крошечного существа...

Помощь пришла неожиданно.

— Приятель, выброси эту мысль из головы, — сказал ему Жак Буше, уже успевший стать другом. — Моя Катрин вот-вот родит, за пару су она сможет и кормить твоего малыша, и приглядывать за ним, пока ты работаешь.

На том и порешили.

Месяцем позже Катрин Буше родила девочку, которую называли Женевьевой. Поначалу Клод несколько раз в день приносил сына к соседке на кормление, но со временем стал оставлять Рене на целый день и даже на ночь. Катрин заботилась о нем, как о родном. Спустя пару лет малыш Рене уже сам бегал через улицу, от дома отца к дому супругов Буше и обратно. За ним почти всегда семенила крохотная Женевьева.

Франция, XVI век

Жизнь маленького Рене Леграна была проста и приятна. Он обожал своего отца, любил, присев в уголке, наблюдать, как тот вырезает по лекалам перчатки из тонкой крашеной кожи, а потом сшивает их на каком-то загадочном приспособлении. Рене нравилось смотреть на богато одетых дам, появлявшихся иногда в их скромном доме. Дамы, шурша юбками, подходили к столу, на котором было разложено множество разноцветных перчаток, долго

выбирали лучшую пару, спорили, смеялись. Они забирали перчатки, отдавая отцу взамен медные, а то и серебряные монеты с отчеканенным профилем короля, и уходили, каждый раз оставляя после себя неповторимый, загадочный аромат. Таинственной музыкой звучали для Рене слова «ливр», «денье», «су». «Когда-нибудь, — думал он, — Женевьева вырастет и станет такой же красивой дамой, я женюсь на ней и подарю все папины перчатки».

Малышку Женевьеву он любил не меньше, чем отца. И хотя она родилась всего четырьмя неделями позже него, Рене привык относиться к ней как к младшей. Этот черноволосый мальчуган с живыми темными глазами как мог оберегал свою малышку Женевьеву, а она за это благодарно называла его «мой лыцаль».

Клод никогда не забывал об обещании капитана Пельяна принять его сына на обучение. Мальчик с детства знал, что станет воином.

Когда Рене исполнилось пять лет, отец подарил ему щенка. Малыш назвал его звучным именем Марсель и очень гордился тем, что теперь есть существо, полностью от него зависящее. Щенок был рыжий, пушистый и очень смешной, и Рене всей душой привязался к нему.

Лишь одно омрачало спокойное существование Рене — мысль о смерти. Отец часто рассказывал ему о матери, о том, с какой радостью ждала она рождения сына, как мечтала о нем. Не то чтобы Рене не хватало женской ласки — Катрин заботилась о нем, как о родном, — но ему казалось неправильным, что мама умерла как раз в тот момент, когда могла бы быть счастлива. «Неужели я тоже умру, когда у меня родится сын? — размышлял он. — Или в другое время, когда все будет особенно хорошо?» Постепенно он стал безумно, до холода в груди бояться смерти.

* * *

В воскресенье после мессы Клод и пятилетний Рене, оба в ярких праздничных камзолах, зашли за Женевьевой. Катрин снабдила их лепешками в полотняном мешочке, и они отправились на прогулку к Сене. Рене гордо ша-